

Я **ВОРВУСЬ**
В ТВОЮ ЖИЗНЬ

Виктория Волкова

Виктория Борисовна Волкова

Я ворвусь в твою жизнь

Серия «Подарок судьбы», книга 4

*Текст предоставлен издательством
Я ворвусь в твою жизнь:*

Аннотация

– Анечка...девочка моя... – хочу дотронуться до волос. Но рука так и висит в воздухе. Любимая, вздрогнув, делает шаг в сторону.

– Кто вы? – смотрит враждебно и настороженно. Прижимает сына к груди. Нашего с ней сына! Испуганный голос серпом режет нервы. Будто я могу навредить ей и собственному ребенку.

– Я – Богдан... Мы с тобой... – пытаюсь подобрать слова.

– Простите... Вы обознались, – смотрит она сквозь меня.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виктория Волкова

Я ворвусь в твою жизнь

Пролог

– Аня, привет! – приходит сообщение в Вацап с неизвестного номера.

– Привет, а кто это? – отправляю с десяток улыбочек.

Я недавно поменяла телефон, и в новом пока еще не все контакты.

– Это Лиза из Шанска. Нас Богдан знакомил.

– Никогда не была там. Вы ошиблись...

– Да ну, Ань? Не придуривайся. Я все про тебя знаю. И про папашу твоего. И про ребенка.

– Что вы хотите? – печатаю я и сама себя ругаю. Нельзя переписываться с хейтерами. Любой суд признает такую переписку отношениями.

– Разреши моему брату видаться с сыном. Иначе я тебе такое устрою...

Дрожь пробегает по позвоночнику. Когда дело касается моего ребенка, я всего боюсь. Надо сразу заблокировать сумасшедшую и забыть как страшный сон. Но адвокатское любопытство берет верх.

– А кто ваш брат? – печатаю, не сразу попадая в нужные

буквы.

– Богдан Столетов.

– Не знаю такого. Вы ошиблись.

– Не ври! Ты его знаешь. Спала с ним. Он еще охранял тебя по какому-то делу.

– Он охранник? – улыбаюсь невольно.

– Бывший спецназовец.

– Это какая-то ошибка, – отвечаю и откладываю айфон в сторону.

Роман с полицейским? Этого не может быть! Папа бы мне голову сразу оторвал.

В кровати хнычет сын. Поднимаюсь к нему. Взяв ребенка на руки, напеваю колыбельную.

– Разбудила тебя злая тетя, – шепчу, целую щечку, пахнущую молочком. Малыш сонно зевает и укладывает головку мне на плечо.

Телефон на тумбочке жужжит, доставляя новые сообщения.

– Пришлите фотографию вашего брата, – прошу, мельком прочитав глупые угрозы.

И когда приходит следующая эсэмэска, вглядываюсь в любовительский снимок.

Высокий крепкий мужчина стоит около вездехода. В руках шлем, на голове вязаная шапка, которая кого угодно изменит до неузнаваемости. Но сколько ни смотри, этого человека я вижу впервые. Странная ситуация.

– Вы ошиблись, девушка.

– Ну ты и стерва, Аркелиди! Гореть тебе в аду! А ребенка мы все равно отберем. Поняла?

Резко, словно обжегшись, швыряю телефон на кровать. Сумасшедшая не ошиблась. Она точно пишет мне! Даже фамилию указала правильно. Вот только я не знаю никакого Романа Столетова. И в Шанске не была никогда.

В висках начинает пульсировать боль. Будто молоточки бьются под черепной коробкой.

«Надо успокоиться, – уговариваю саму себя. – Малыш сейчас считает эмоции и будет хандрить всю ночь. Тогда точно не уснешь».

Тупо ноет нога, извечный предвестник неприятностей. Ложусь поперек кровати и кладу сына рядом. Мой маленький мальчик, перевернувшись на бок, тянет к себе рукав моего халата.

– Это не игрушка, мой хороший, – пытаюсь одной рукой достать кружевную ткань из крепкого зажима. А другой – потираю больную голень. Пальцы скользят по швам, оставшимся после недавней аварии. Если честно, то мне повезло. В страшной мясорубке, где корежило металл и людей, я отделалась лишь открытым переломом ноги. И даже умудрилась сохранить ребенка. Повезло! Очень повезло. Я как заново родилась в тот день.

Сынок радостно гулит. А я, наклонившись над ним, нежно целую темечко. На автомате массирую ногу и пытаюсь лечь

поудобнее.

– Уколоть обезболивающее? – участливо спрашивает муж, входя в комнату.

– Сейчас пройдет, – улыбаюсь сквозь слезы.

– Давай я, – садится он рядом. Узловатые пальцы мужа привычно бегут от щиколотки к бедру. Сколько раз после снятия гипса он помогал мне разминать покореженные мышцы.

– Завтра прямо с утра вызову массажистку. А сейчас пора спать, – закончив массаж, решает Артур. Взяв нашего сына, шепчет ласково: – Кто расстроил нашу мамочку, ты не знаешь, сыночек?

Любуюсь своими мальчиками. Артур немного сдал за последние годы. Похудел, под глазами залегли тени. Но какая разница, если он самый надежный муж на земле!

– Что-то случилось? – роняет Артур мимоходом. От этого человека ничего не укроется.

– Да какая-то сумасшедшая пишет глупости... – начинаю рассказывать я.

– Не отвечай и сразу блокируй, – советует муж, укладывая сына в кроватку. А затем возвращается ко мне. Помогает снять халат. Легонько целует в предплечье и шею. Но поцелуи мужа не вызывают у меня никаких чувств. Приятно, конечно, но не более. У нас давно нет супружеской близости. Только нежность и взаимная забота.

Даже не знаю, как мы с Артуром умудрились зачать такое

чудо, как наш маленький принц.

Антошка, солнышко мое!

– Так что там тебе прислали? – строго интересуется Артур, подхватывая мой айфон с постели. Читает всю переписку и мрачнеет.

– Я боюсь, – делюсь с мужем глупыми страхами.

– Ты точно не знаешь этого человека? – сверлит меня Артур строгим взглядом.

– Нет, милый, – мотаю головой. – Откуда?

– Тогда все просто, – морщится Артур.

Положив мою трубку на тумбочку, муж выходит в свою спальню. Разговаривает там с кем-то по сотовому. Быстро и четко отдает указания. Наша с сыном безопасность у Артура в приоритете. Вон сколько охраны в дом нагнал. Беспокоится о нас.

Прислушиваюсь к разговору и неожиданно для себя тянусь за айфоном. Открываю переписку с шантажисткой и снова вглядываюсь в лицо мужчины. Вожу пальцами по экрану, делая изображение больше и внезапно нажимаю на кнопку «скачать».

«Пусть будет! Потом удалю», – думаю, возвращая айфон на тумбочку.

И беспокойно смотрю на мужа, вернувшегося в мою спальню.

– Что, Артур?

– Наверняка это какая-то левая шантажистка. Номер я

сейчас заблокирую. А завтра приставим к тебе дополнительную охрану. Спокойной ночи, любовь моя. Ни о чем не беспокойся. Я все порешал.

– Спокойной ночи, – отвечаю тихим эхом. Снова получаю легкий целомудренный поцелуй. Теперь уже в лоб. И чувствую себя счастливой.

Артур идет к себе, а я скольжу ласковым взглядом по чуть сутулой спине. Замечаю, как на худых плечах болтается темная футболка от Гуччи. Пусть не красавец с накачанными бицепсами. Зато умен и заботлив. Если разобраться, этому мужчине я обязана всем в жизни.

Стараюсь улечься поудобней, так положить больную ногу, чтобы меньше ныла. Но все бесполезно.

А когда под утро проваливаюсь в тревожный сон, неожиданно попадаю в медвежьи объятия того самого парня с фотографии. Он прижимает меня накачанной груди и шепчет хрипло: «Анечка, любимая моя! Что же мы наделали?!».

Глава 1

– Что ты сделала? – непонимающе пялюсь на сестру. – Тебе кто позволил? – рявкаю, когда доходит. – Ты...ты... – не нахожу слов. Вернее, слова-то есть. Но сплошь нецензурные. С мелкой так нельзя. Нехорошо.

Выватив из рук телефон, вчитываюсь в короткие строчки. Такого просто не может быть. Я не верю. Как Аня могла меня забыть? Другое дело, если не хочет знать.

Вернулась к мужу из-за денег. И по ребенку договорились. У них там давно не получалось.

«А может, в этом вся беда?» – швырнув на стол мобильник, тяжелыми шагами бреду прочь из дома. Оказавшись в саду, пытаюсь отдышаться.

«Тебя использовали, – нашептывает мне гадский голосок. – Отработал донором и все дела».

От бессилия хочется заорать. Сдерживаюсь из последних сил. И так мать испугал. Вон из окна выглядывает. И Лизка, зараза, на крыльцо выскочила следом.

Ухожу в глубь сада. Мне сейчас свидетели ни к чему. Устало плюхаюсь на скамейку, стоящую под грушей. Прислоняю затылок к шершавому стволу. И, закрыв глаза, пытаюсь восстановить всю цепочку событий.

Мы поссорились по глупости. Аня сказала тогда, что никогда не выйдет замуж за бывшего опера. Да я и не звал ее

никуда! Боялся. Знал, что откажет.

Разговор вроде бы ни о чем. Но зацепило. До печенок проняло. Поэтому и ответил резко. Вспомнил ее папашу уголовника, который умудрился даже в Израйловке срок получить.

– Его подставили! – выкрикнула тогда Аня.

– И здесь тоже? – усмехаюсь я криво. Только ленивый не знает, кто такой Педагог. – Ты хоть когда-нибудь задумывалась, сколько людей он отправил на тот свет? Как ты с ним вообще можешь общаться?

– Он – мой отец, – отрезала Аня тогда. – И нас, детей, любит. Тебе этого не понять...

Снова бритвой по живому. Ане и другим детям Янхеля Лернера обломилось неслабо. А я от своего даже черствого бублика не получил.

Может, стоило помягче. У нее гормоны шалили. А я, дурак, не сдержался. Ума не хватило.

«Но и жениться ты ей не предлагал», – запоздало просыпается совесть.

По-любому предложил бы. Морщусь от собственных мыслей. Ребенок мой. А значит, порешали бы, как лучше для него.

Вот только Аня развернулась и уехала. Не ожидал я такого поворота. Не рванул следом. Может, она на это рассчитывала. По голове мне в тот вечер прилетело. Сильно. Пока в реанимации оклемался. А потом обида взяла. Что же это получается, Анечка дорогая? Одно дело о любви шептать по

ночам, а другое – реально на помощь прийти.

Только потом сопоставил факты и все понял. Совпадение дурацкое. Когда мне по голове били, она уже в поезде ехала. Аня, Анечка, что же ты наделала? Зачем вернулась к мужу? У вас же с ним давно все закончилось. Сама же говорила.

От бессилия сжимаются кулаки, ярость к чертям собачьим выжигает душу. Мой сын. Мой ребенок растет с чужим мужиком и будет его называть папой.

Вспоминаю каждую строчку из Лизкиной переписки. Аня меня не знает. Никогда не была в Шанске. Вот же стерва!

Стиснув зубы, бездумно таращусь на голубое осеннее небо, просвечивающееся сквозь пожелтевшую листву.

Естественно, Ане я звонил и писал. Но мне так никто и не удосужился ответить. Даже в Москву ездил. Маячил у нее под окнами. Но так никого и не дождался. Даже представить себе не мог, что Аня вернется к мужу.

Как она говорила?

Он не стоит моих слез.

Интересно, что сейчас втирает ему?

Но чудес на свете не бывает. Тут и коню понятно. Я ей не пара. Дочки криминальных авторитетов не выходят замуж за бывших оперов. Может быть, поэтому я все два года делал карьеру. Стремился доказать...

Что и кому? Она о тебе и думать забыла...

Выдыхаю, стараясь собраться с силами. Съездил в отпуск, нечего сказать. И достав сотовый, отбиваю указание заме-

стителю.

«Узнай все об Анне Аркелиди. Вопрос личный. С меня причитается!»

Вытянув ноги, закидываю руки за голову. Из глубины души наружу рвется гнев. Ощущаю пустоту под ребрами и понимаю: сейчас рванет.

– Данечка, – зовет меня мама. – Мы же хотели в торговый центр съездить.

На лице застывшая боль. И еще страх за меня.

– Конечно, поедем, – киваю, отрываясь от спасительной груши и собственных мыслей. И всю дорогу до торгового центра мысленно ругаюсь с Аней.

Забыла меня, кошечка? Ну да ничего, я напомню!

Дождаясь маму с сестрой, звоню шефу. За неполные два года мы с Ростиславом Градовым сработались как одна команда. Теперь я богат и успешен. И мне есть что предложить любимой женщине. Даже гребанный Педагог одобрил бы такого жениха, как я. Только сама невеста меня забыла!

Морщусь, как от зубной боли. Да я за это время ни разу не взглянул на других телочек! Даже не переспал ни с кем. Думал об Ане. Страдал.

Но так и не сделал ничего. Дурак!

– Слушаю, Богдан Васильевич, – весело рокошет трубка. – Соскучился по работе? Давай возвращайся. Тут у нас утечка информации у партнеров. Хочу, чтобы ты занялся.

– Завтра буду, – произношу с неохотой. Мне нужно лично

с Ростиславом поговорить. Попросить помощи. Один я точно не справлюсь.

– Жду, – коротко роняет шеф. И тут же в ухо врезаются заунывные гудки.

А я представляю довольное лицо Градова. Сколько я продержался в Шанске? Три неполных дня? Были же планы на речку смотаться с друзьями. Да все похер! Я хочу видеть Аню. Пусть скажет в лицо, что не помнит меня. Не знает... Как же больно, твою мать! Ну да ничего. Я потерплю. Повидаемся еще. А заодно сделаем экспертизу ДНК. И если выяснится... Подам в суд и буду требовать восстановить мое право на отцовство.

«Они тебя как баклана в суде сделают», – проносится в голове. Аня – адвокат от бога и за своего ребенка будет биться до последнего.

«Погоди, – останавливаю сам себя. – Нужно узнать, когда и где у нее ближайшая защита, и подъехать. Поговорить. Может, удастся все решить мирно».

«Пробей, где у нее следующее заседание», – пишу помощнику. И сам себе готов дать хороший подзатыльник. Почему я раньше не догадался?

«Уже посмотрел, – приходит сообщение. – После аварии она отошла от дел. Последнее – какой-то Даши Ивановой».

– Да знаю я! – бью в сердцах по рулю. – Сам ее охранял тогда.

И тут же замираю на месте от ужаса. Даже дышать пере-

стаю. Какая еще авария? И почему я об этом узнаю только сейчас?

«Аня сильно пострадала? Какие последствия?» – печатаю и не попадаю в нужные буквы. Палец дрожит, как от дурного предчувствия.

«Уже работаем!» – высвечивается быстрый ответ.

Хлопает дверца машины, возвращая меня в реальность.

– Данечка, багажник открой, – просит мама.

Подрываюсь с места и, забрав у матери и сестры сумки с обновками, распахиваю нутро Крузака, доставшегося мне по наследству от школьного друга Вити Торганова. Ставлю рядком бумажные пакеты. И захлопнув багажник, помогаю маме усесться на заднее сиденье.

– Мне нужно уехать, – замечаю негромко.

– Я так и поняла, – вздыхает она печально. – Я Лизе уже высказала, – недовольно косится на сестру, усевшуюся рядом.

– Все нормально, мам. Не ругайся. Лиза поступила правильно. Поеду в Москву. Попробую выцарапать сына... – объясняю натужно. Каждое слово дается с трудом.

– Прояви милосердие, сынок. – Мамина морщинистая рука ложится мне на предплечье. – У той женщины могли быть свои причины так поступить...

– Разберемся, – перебиваю нетерпеливо. И тем же вечером вылетаю в Москву.

Глава 2

Аня

За окном льет дождь, косыми каплями падая на стекла. Кутаясь в халат, прошу домработницу затопить камин. И все никак не могу справиться с волнением.

Где-то я видела этого человека...

Вот только не могу вспомнить, когда и где. Зябко ежусь, хотя в комнате тепло и малыш спит, откинув одеяло в сторону. Вернувшись к сыну, прикрываю ножки, но Антошка яростно брыкается. Своевольный такой... Бесконечно любимый. Сразу чувствуется характер. Интересно, в кого он такой? Наверное, в дедушку. Только бы.

Усевшись рядом в кресло, снова открываю скачанную фотку. Увеличиваю изображение. Вглядываюсь в черты лица.

Я его знаю? Наверяд ли!

Муж заблокировал контакт. Но я запомнила имя и фамилию. Богдан Столетов. Набираю в поисковике. И в ужасе смотрю на подростков и стариков. По фактуре ни одного подходящего нет.

«Ерунда какая-то», – отмахиваюсь, поморщившись. На-

верняка Артур прав: ко мне постучались хейтеры. Забанил он их и хорошо!

Телефон тренькает в руке, и на экране высвечивается: «Камилла. Сестра».

– Да, Милочка, – радостно подхватываюсь я. Боясь, как бы не разбудить сына, выхожу в другую комнату. А там, усевшись за круглый столик, стоящий в эркере, лениво смотрю на улицу. Прохожие сейчас напоминают разноцветные грибы. Прикрывшись зонтами, все спешат спрятаться от непогоды.

– Как у тебя дела, Анечка? – спрашивает меня единокровная сестричка. Мы с ней родные только по отцу.

После маминой смерти папа вернулся к бывшей жене, разлучившей когда-то моих родителей. Старая любовь не ржавеет. Вот отец и метался всю жизнь между моей тихой мамой и громкоголосой выскочкой Галей Зубовой. Но на наши отношения с сестрой это никак не повлияло. Сейчас, когда у нас почти одновременно родились дети, мы разговариваем часами. Такой мамский клуб. Сестра – более опытная мама. У нее двое детей. Вот я и советуюсь с ней по всякому поводу. Температурка, животик. Да мало ли!

– Аня, меня тут муж спросил, и я не смогла ответить, – смущенно вздыхает Милочка. – Только ты не обижайся, ладно?

– О чем? – улыбаюсь в трубку. Обожаю Милу. Она такая нежная и непосредственная.

– Почему ты не вернешься в адвокатуру? Ты же была суперским адвокатом. Ни одного проигранного дела. Антошку можно и нужно с няней оставлять. У тебя должна быть своя жизнь, систер, – серьезно выговаривает Камилла.

– Не знаю, – вздыхаю тяжело. – Не задумывалась даже. Антошке нужна мама, Артуру – жена. А я еще прохожу курс по восстановлению.

– Рома говорит, что так можно всех клиентов растерять. Мы беспокоимся...

– Спасибо, конечно, – смеюсь я. – Но я пока не готова.

– Я маме скажу, – приводит главный аргумент Милочка. – Она накрутит папу.

– Пощади, систер! – прошу с театральным ужасом.

Мачехе всегда удается настоять на своем. Но папа, старый дурак, любит ее всем сердцем.

– Мы даем тебе год, – торжественно заявляет сестра. Яблоко от яблони... – А потом начнем надоедать. Ты такая была успешная, Аня. Грех зарывать талант в землю. Мы хотим гордиться тобой...

Последняя фраза бьет под дых. Где та успешная крутая адвокатесса, которой я была до аварии? Но я сама выбрала материнство и каждый день благодарю бога за сына. С таким трудом его выносила, столько пережила...

– Я вас тоже люблю, – замечаю порывисто.

Глотаю набежавшие слезы. Сестра искренне за меня переживает. В больницу тогда примчалась одной из первых. От-

крыв глаза, я увидела рядом своих близких. Марк, старший брат, Милочка с мужем и, конечно же, Артур.

– Ты не одна. Мы с тобой. Твоя семья, – сказала тогда Милочка. Маленькая тонкая птичка, но такая мудрая.

– Я поговорю еще с Марком, – фыркает она в трубку. И от родного голоса на душе становится легче. Даже про хейтеров удается забыть.

Мы еще долго болтаем о детях, родителях и старшем брате. Настроение сразу улучшается.

– Приезжайте к нам на дачу, – предлагаю я под конец разговора. – Дети поиграют вместе, мы поболтаем, а мужики нажарят мяса.

– Топите баню! – смеется в ответ Милочка.

«Как же хорошо, когда есть большая семья», – улыбаюсь я, положив на стол айфон.

Снова смотрю в окно. Дождь уже кончился. Но сильный ветер сносит прохожих с ног, заставляя укрываться от непогоды в близлежащих магазинах или на станции метро.

Только один человек стоит неподвижно. Людской поток огибает его с обеих сторон. Кто-то ругается вслед. Но крепкий высокий мужчина в черной куртке держит руки в карманах и не таясь рассматривает наш дом. В душе тренькает непонятная тревога. А наружу выплескивается паника, словно этот человек пришел за мной. Захлестывает мутной пеной остатки здравого смысла.

«Успокойся, – останавливаю саму себя. – Ты дома. За за-

крытой дверью. Кругом охрана».

Пытаюсь обуздать невесть откуда взявшуюся дрожь. Мне бы уйти. Просто встать и выйти из эркера. Вернуться к сыну. Но я не могу оторваться от окна. Все смотрю и смотрю на незнакомца. Такой же широкий разворот плеч, как на фотографии. Тот же волевой подбородок. Мужчина вскидывает голову и неожиданно замечает меня.словно хищник перед броском, упирается взглядом. Я тоже глаз не отвожу. Не смею. Так и таращимся друг на друга, не в силах оторваться.

– Аня, – раздается за спиной чуть надтреснутый голос мужа. Бьет, словно выстрел в спину. – Ты что там застыла?

– Задумалась, – вздрогнув, поворачиваюсь к Артуру.

– О чем?

Торопливо бегу навстречу. словно боюсь разоблачения. Не хочу сейчас возвращаться к истории с хейтерами и рассказывать о незнакомце. Он мог ждать кого угодно. Или просто разглядывал красивый дом... А я уже запаниковала.

Прячу лицо на груди мужа, чувствую, как его руки ложатся мне на плечи.

– Все хорошо, Анечка? – спрашивает Артур участливо.

– Да, – улыбаюсь я сквозь слезы. И сворачиваю на безопасную тему. – Мила меня сегодня озадачила. Говорит, пора возвращаться к работе. Иначе всех клиентов растеряю.

– А есть ли необходимость? – добродушно вздыхает муж. – На жизнь нам хватает. На черную икру тоже. Зачем упираться, милая? Клиенты нарастут. Потом, если захочешь,

я подкину. Сейчас главное Антошка и твое здоровье. Поправишься окончательно, тогда и поговорим. А Милке твоей я по шее дам, – улыбается Артур. Вернее, растягивает губы в улыбке. А глаза так и остаются злыми настороженными буравчиками.

Глава 3

Богдан

Разговор с Градовым много времени не занимает.

– Зачем тебе отпуск? – пожимает он плечами. – Когда надо, я отпущу. Смотаешься в Москву...

Наверное, шеф прав. И «Сапсан» становится моим домом. Рано утром в субботу еду в Москву и вечером в воскресенье возвращаюсь в Питер.

Брожу по кривым улочкам Замоскворечья и все пытаюсь встретиться с Аней. Но если не считать того первого раза, когда моя девочка выглянула в окно, других случаев у меня не было.

Словно переехала куда-то!

Пальцы привычно сжимаются в кулаки. Куда? Почему? Узнала и испугалась? Что ею движет?

В порыве ярости звоню Тиме Морозову. Он-то нас когда-то и познакомил.

– Ты не можешь с ней на контакт выйти? – спрашиваю прямо.

– Как ты мог упустить ее, чувак?

Ну как! Все очень просто. Топил за свою правду. Вот и

остался без жены и ребенка.

– Ну хоть пробей инфу, бро, – прошу устало. – Я нигде не могу ее найти. Никаких контактов.

– Что от меня требуется? – выдыхает Морозов, ясно давая понять, что ему этот разговор не нравится.

– Нужны контакты, с кем она может общаться. Подруги там. Клиенты...

– Да я интересовался, – неохотно тянет Отмороженный Фей. – Она после аварии перестала со многими выходить на связь.

– Например?

– Мы созванивались иногда. А сейчас ей, наверное, стыдно. Нехорошая история. Что ты там такое наговорил, если девчонка пустилась в бег? Подставил ты меня тогда сильно, Дан, – цедит Морозов, и я будто наяву вижу, как морщится его холеная морда.

– Чем именно? – уточняю на всякий случай. Тиме Морозову я обязан многим в жизни. Своим работодателем в частности. Это благодаря его протекции я получил высокую должность в «Бизнес-ГРАДе». Без всяких лишних собеседований и проверок. Просто как друг детства Морозова.

Я, конечно, понимаю, почему сейчас Тима недоволен. Аня вела его бизнес. Возглавляла адвокатскую контору, временно оставленную Морозовым из-за должности мэра. Вот и пришлось ему переложить все на зама. А тот увел клиентов к себе.

Известное дело!

– Мне нужно узнать, кого она сейчас защищает. Желательно список клиентов. Может, через них удастся зайти.

– Да никого! – крихтит в трубку Тимофей. – Она отошла от дел. Сосредоточилась только на ребенке и муже.

Муж! Черти бы его подрали! Откуда он только взялся? Они несколько лет не жили вместе. А тут такая любовь...

– Я бы на твоём месте зашел с козырей. Смотался бы к Янхелю, например.

– Что? – рычу я. – Да никогда в жизни!

– Смотри сам, – усмехается Тимофей. – Но Педагог, каким бы гадом он ни был, единственный лом, против которого нет приема у Артура Аркелиди. Только он заикнется, и Лернер его в порошок сотрет. Есть еще какая-то младшая сестра. Вот она замужем за известным бизнесменом. Фамилия Демьяновский тебе что-нибудь говорит?

– Да вроде слышал что-то... – тяну я, лихорадочно сообщая.

– Но он у них не в чести. Терпят из-за дочки. Не помню, как ее зовут... Но я бы тебе советовал перестать морщить ж. пу, сесть в самолет. Долететь до Израиля и там попытаться встретиться с Лернером. Другого варианта я не вижу...

– Но она же в Москве! – кричу я в трубку.

– Тогда продолжай ходить по улицам, может, встретишь, – фыркает Тимофей и прощается наскоро: – Ладно, бро. Я уже домой приехал. Лера ждет. Держи меня в курсе.

Усевшись в разлапистое кресло бизнес-класса «Сапсана», пытаюсь понять, как поступить. Пойти на поклон к человеку, которого ненавижу всей душой, или все-таки попытаться достучаться до Ани иначе. По-любому должен быть выход!

«На чем она ездит?» – отправляю сообщение помощнику, не уточняя. Он и так понимает, о ком идет речь.

«Машины на нее не зарегистрированы», – сразу откликается Жорик.

А ее старая тачка пострадала в аварии и восстановлению не подлежала.

«Аня, Анечка, как ты могла угодить в это месиво?» – разглядывая снимки с места происшествия, стискиваю челюсти. Несколько машин всмятку. И где-то там посередине виднеется Анина белая «Ауди».

Твою ж мать! Как такое могло произойти? Почему тогда, в пылу ссоры, я не схватил любимую женщину, не заткнул рот поцелуем? Не заставил забыть о наших разногласиях? Они есть! И никуда не денутся, хоть оборись. Но останься мы вместе, точно бы уберег. А так...

Остается лишь скрежетать зубами от отчаяния.

Аня вернулась в свой мир и обрела там счастье. Вот только мне в это не особо верится. Она не любит мужа. Да и до встречи со мной они не жили вместе года два. Откуда такая любовь после аварии? И почему Аня не позвонила мне? Я бы примчал при первой же возможности.

А теперь что делать?

Закрыв глаза, пытаюсь сосредоточиться. Я что-то упускаю, но никак не могу ухватить мысль за скользкий хвост.

Аня, девочка моя! Что же мы с тобой наделали...

В кармане куртки вибрирует сотовый, попадая в унисон с сердцем. На душе становится тревожно.

– Слышь, Дан, – перезванивает мне Морозов. – Я сейчас пробил тут по своим старым каналам. Аня перестала общаться со всеми однокурсниками. Там наши собирались в Москве. Ее звали. Она отказалась.

– Это еще не показатель, – замечаю негромко. – Человеку после аварии нужно время прийти в себя. А не на костылях ковылять...

Ловлю взгляд какой-то длинноногой девицы в серебристом пуховичке. Симпатичная куколка. Только меня не торкает. Никак.

Аня! Единственная и неповторимая. И наш сын. А я даже не видел его.

«Запроси медицинскую карту», – снова дергаю помощника.

«У вас в почте», – отвечает он моментально.

Открыв сканы, пролистываю их лихорадочно. Открытый перелом правой голени. Больше ничего. Учítывая, какая там была мясорубка, Аня моя как в рубашке родилась. Нога уже должна была зажить. Снова впиваюсь взглядом в сухие строчки. Ищу только одно слово. Амнезия. И не нахожу. А значит, с памятью должно быть все в порядке.

Задумчиво всматриваюсь в темноту за окном. Мысленно морщусь, окидывая критичным взглядом свое отражение. Дорогие куртка и костюм. Серебристая девица быстро все срисовала и в башке калькулятор включила. Вот только морда злая и мятая. Да и какой ей быть, если я сплю по четыре-пять часов.

Снова и снова вчитываюсь в знакомые до боли строчки. Сердце выпрыгивает из груди, стоит только представить. И не могу до конца. Аня – опытный водитель, как она могла пропустить перекресток?

Выходит, авария по ее вине. Вот только замяли дело. Обвинили водителя белой «Лады», в которого она врезалась по касательной. Уходила от прямого столкновения с грузалем. Ясен пень, Артур постарался. Отвел беду от беременной жены. Иначе бы она села. Лет на пять точно. Может, в этом вся загвоздка? Человек быстро сориентировался и потребовал что-то взамен?

Но что именно? Любви до гроба? Нашел бы другую женщину и обрел бы с ней счастье. Почему обязательно Аня? Чем так она привлекает Аркелиди?

Деньги или какие-то фонды, созданные Лернером? Тот хитрый волчара. Матерый. Бабки давно распихал по всяким трастам. Так, что даже Интерпол не смог к ним и на пушечный выстрел подойти.

К этому уроду я не поеду. Да и чем он может помочь? Аня в Москве, а этот тип в Эйлате. Нет смысла даже трепыхаться.

А приеду я к нему с чем? С поясным поклоном упаду в ноги? Спаси, отец родной?

Да ни фиги!

Поезд подъезжает к Бологому. Еще ехать и ехать! Смежив веки, пытаюсь хоть немного подремать. Но стоит закрыть глаза, как снова вижу Анечку у окна. Снова чувствую, как кровь разгоняется по жилам, стоит нашим взглядам пересечься.

Выйди ко мне. Пожалуйста, выйди. Поговори.

Но Аня стоит в окне неподвижной куклой, а потом резко отходит в сторону. А я отхожу в тень дерева и как дурак жду целый час, когда она появится снова. Но бесполезно.

От безысходности ноет сердце. Тоска стальными тисками сдавливает душу.

«Я найду вас. Обязательно найду», – сжав кулак, смотрю в непроглядную темень. И прежде чем поставить помощнику новую задачу, захожу в поисковик и набираю фамилию Аниного родственника. А вдруг здесь повезет.

Сразу же вываливается миллион картинок. И с каждой уверенный тип нагло смотрит в камеру. Листаю снимки один за другим. Ничего не меняется. Только костюм от Армани сменяет прикид от Бриони. Хотя... стоп! Увидев рядом с супер-мачо красивую шатенку с детьми, перехожу по ссылке.

Роман Демьяновский с семьей на открытии гольф-клуба. Внимательно рассматриваю Анину сестру. Они похожи.

Очень. Только эта — жаль, имя не написано, — более тихая, что ли... Черты лица те же, вот только характер не чувствуется.

«Вот тут я и надавлю, — выдыхаю я довольно. — Нашлось слабое звено!»

Глава 4

– Ты тепло оделась? – спрашивает меня Артур, когда я вместе с Антошкой и няней собираюсь выйти на прогулку.

– Да, – демонстративно оглядываю бесформенный пуховик, больше похожий на стеганое одеяло.

После рождения сына я немного набрала в весе, плюс спортивный костюм с начесом. И как итог, вместо элегантной адвокатессы на каблуках капуста в утгах. Но это меня не смущает. Главное, тепло, и мы с Антошкой можем подолгу гулять, пока сильный мороз не загонит нас домой.

– Накинь. Ветер на улице сильный, – просит муж и сам аккуратно надевает мне на голову объемный капюшон, украшенный мехом. Поправляет шарф, намотанный вокруг шеи, и нежно целует в нос.

– Ребенка не заморозьте, – строго напутствует напоследок.

– Не беспокойся, Артурочка, – обнимаю мужа. Улыбаясь, смотрю на сухопарую фигуру, виски с проседью. Белая рубашка, черные джинсы и очки в золотой оправе делают Аркелиди похожим на главного советника Коза Ностры.

– Долго не гуляйте, – напутствует Артур. – И почему ты не захотела вынести Антошку на террасу.

– Самой надо размяться, – роняю на ходу.

Выхожу на улицу и сразу попадаю под порыв холодного

воздуха. Наблюдаю, как, усаживая сына в коляску, ежится на ветру нянька.

– Ты тепло одета, Нина?

– Да, нормально, – кивает она, укутывая ребенка одеялом.

– Минут сорок погуляем и назад, – решаю я. Что-то хлипкая Нинина шубейка не вызывает у меня доверия. Надо подарить пуховик, что ли?

Даже обсуждать это с Артуром не буду. Из своих оплачу. Надо присмотреть на маркетплейсе и заказать доставку.

Вон как нянька ежится от ветра. Так и заболеть может. Еще Антошку заразит.

Сунув руки в карманы, улыбаюсь сыну. И он мне дарит такую же радостную улыбку.

– Вон смотри, Бинго вышел на прогулку! – показываю на знакомого ретривера. Тот радостно подбегает к нам. А следом спешит и хозяйка.

Сын весело хохочет, тянет ладошки, одетые в варежки, к собаке. А та смотрит умным взглядом. Понимает, что это детеныш.

– Вот и зима пришла! – восклицает хозяйка Бинго. – Уже не погуляешь...

– Да, – киваю и оборачиваюсь инстинктивно.

Тот самый мужчина, что стоял под нашими окнами неделю назад, спешит мимо нас по аллейке. Внутренне съеживаюсь, как от предчувствия глобальной катастрофы. Кажется, еще чуть-чуть и весь мой мир рухнет в пропасть. Мужчина

равнодушно скользит взглядом по нашей компании и спокойно идет прочь.

А я лишь успеваю разглядеть высокие скулы, нахмуренный лоб и зеленые глаза, устремленные куда-то вдаль. А потом упираюсь взглядом в мощные плечи, обтянутые черной брендовой курткой. Человек спешит куда-то, и ему нет дела до меня и моих страхов.

А я перепугалась сильно!

Вероятно, он никак не связан с хейтерами. И тут оказался по своим делам. Работает рядом или живет. Вполне возможно, недавно перебрался в наш район. Я его раньше не видела.

Сердце делает стремительный кульбит. Вылетает из груди и падает куда-то вниз живота. Стучит там, заявляя о желании, бьющемся в паху.

Одергиваю себя. Как-то странно. Посреди улицы. Только от вида постороннего мужика, которому я даже не приснилась.

«Тело знает!» – проносится в голове шальная мысль.

«Знает, конечно, – вздыхаю украдкой. – Два года воздержания дали о себе знать в самый неподходящий момент».

Вернуться бы домой и соблазнить Артура. Но это невозможно.

«Как мы только Антошку умудрились зачать? – хихикаю мысленно. – Надо выпить успокоительное! Нервы совсем ни к черту. Дрожу от вида незнакомого мужика, как дурочка!»

– Мама! Мама! – отвлекает меня от глупых размышлений

сыночек.

Машет ручками на важно гуляющих голубей.

– Это гули, малыш, – наклоняюсь к сыну. Привычным движением трогаю губами нос. Не замерз бы! И словно наяву вижу того самого мужчину.

«Прекрати, – приказываю самой себе. – Это чужой посторонний человек. Он тебя знать не знает. Почему тебя так на нем заклинило?»

– Может, пойдем домой? – шмыгает носом нянька. – Что-то холодно очень!

– Пойдем, – киваю я с облегчением. Мне нужно успокоиться. Отвлечься. А не высматривать в парке чужого мужика.

На обратном пути Антошка засыпает. Дома я сразу прохожу с ним в спальню. Кладу к себе на кровать.

И сбросив пуховик на кресло, осторожно раздеваю сына.

– Мама, – плаксиво зовет он, просыпаясь. Чмокает губками, ища мою грудь.

– Сейчас, мой хороший, – ложусь рядом. И вложив розовый сосок в маленький ротик, прикрываю глаза. Сын обеими ручонками обхватывает мою грудь. Сосет жадно.

А я, вытянувшись на кровати, испытываю странное чувство. Будто надвигается что-то страшное. Тектонические плиты пришли в движение. От предчувствия личного землетрясения екает где-то в груди. Стараюсь сдержаться. Не подать виду. Иначе Артур догадается и снова отправит меня на

курс к психиатрам.

Хотя... Может быть, снова пройти? Сразу после аварии они мне очень помогли. А то первые месяцы я постоянно кричала во сне от кошмаров. Вздрагивала каждый раз, когда слышала сигналы клаксонов и скрип тормозов.

Сын недовольно хнычет, засыпая. Поглаживаю спинку, успокаивая. Малыш, наевшись, выплевывает сосок и прикачивается ко мне поближе. Обнимает маленькими ручонками. Опустив майку, утыкаюсь носом в макушку. Такую милую, что и не передать. Вдыхаю родной запах маленького человека, самого важного в моей жизни. Глупые страхи постепенно выветриваются из головы, а на их место приходит переполняющая душу любовь.

Выравнивается дыхание. И я падаю в легкую дрему.

Вдруг оказываюсь на берегу реки в маленькой избушке. Закутавшись в плед, наблюдаю в маленькое створчатое окошко за высоким крепким мужчиной. Моим мужчиной. Он стоит на дощатых старых мостках и лихо забрасывает снасти. Крутит катушку, таща на поверхность рыбу. А потом вносит в дом полное ведро.

– Вот это улов! – охаю я и тут же оказываюсь прижатой к стенке печи. Спина тотчас же согревается от мягкого тепла, а я, потеряв всякий страх, обвиваю шею незнакомца обеими руками.

– Анечка, девочка моя, – шепчет он.

– Аня. – Цепкие пальцы мужа слегка тормозят плечо.

Распахнув глаза, вздыхаю сонно.

– Сколько раз говорить, не бери ребенка в постель, – хмуро роняет он и добавляет резко: – Нянька заболела, зараза. У нее температура. Надо новую искать.

– О господи! – охаю я, усаживаясь на кровати.

Тихонечко, боясь разбудить, беру сына на руки.

– Как заболела? – шепчу одними губами. И положив сына в кроватку, внимательно смотрю на мужа.

Артур, внимательный и обычно терпеливый, сегодня явно в плохом настроении.

– Как люди болеют, Аня, – роняет он сварливо. – Тут главный вопрос, заразила ли эта дрянь малыша.

– Наверяд ли, – мотаю головой и добавляю поспешно: – Не бери в голову. Я позвоню Камилле. Она наверняка кого-нибудь порекомендует на время.

– Да уж пожалуйста, – ворчливо соглашается муж. – Дел и так невпроворот.

– У тебя что-то случилось? – спрашиваю, недоумевая. Обычно у Артура с выдержкой все хорошо. Но только не сегодня.

– Гадская рутина, солнце мое, – морщится он. – Но к вечеру освобожусь. Можем поужинать вместе и посмотреть какой-нибудь фильм.

– Какой? – произношу, не скрывая надежды.

– Какой захочешь, детка, – снисходительно бросает Артур и добавляет, чуть скривив губы в скупой улыбке: – Мне все

равно.

Глава 5

– Демьяновский? – недовольно морщится Градов. Стучит «Паркером» по столу из карельской березы. Смотрит на меня строго и придирчиво. – Только не говори, что это случайность...

– Ты о чем? – недоуменно пялюсь на шефа.

– Этот тип уже не знает как на меня выйти. А тут ты... – усмехается шеф самодовольно.

– Прости, не знал, – перебиваю порывисто. – Если Дема этот баклан, я с другого бока зайду.

– Да нормальный он, – отмахивается Ростислав. – Просто ты же знаешь, я не люблю посторонних людей в своем окружении. А этот настойчивый тип. Уже через Саню Димирова попробовал зайти.

– Тогда, может, его попросим...

– Дема ему откажет, – мотает головой Градов. – А мне не посмеет. Я примерно представляю, что этот тип хочет.

– Завод построить? – хмыкаю я, лениво оглядывая кабинет шефа. Массивный стол из самой дорогой древесины, такие же шкафы. Все в этом кабинете просто кричит о богатстве и стабильности.

– Кондитерскую фабрику. Его жена и сестра выпускают какой-то офигенно вкусный шоколад. Марку забыл. Но там маленькое производство. Вот Дема и хочет расшириться, –

поясняет Градов, развалившись в кресле.

– Впишемся? – интересуюсь осторожно.

– Посмотрим бизнес-план, потом мы с Саней решим. А твоя задача – накопать компромата побольше.

– Там ничего серьезного нет. Я уже смотрел, – отмахиваюсь я. – Разве только родство с Лернером... Но об этом все знают.

«И я знал! – так и хочется заорать в голос. – Но пройти мимо Ани не смог. Просто дух вышибло, когда увидел эту женщину».

С первой минуты втрескался как идиот. Поэтому и берег пуще глаза. Не шел по накатанной. Старался защитить. Только когда ее подзащитная выиграла суд, не утерпел.

– Ошибки в расчетах найдут экономисты, – рассуждает вслух Градов. На холеном лице замирает на секунду мальчишеская улыбка. – А твоя задача – сделать наш сговор труднодостижимым. Вот тогда он пойдет на уступки.

Ради Ани и сына я готов на все. Вот только понять не могу, где копать? Демьяновский – законопослушный гражданин. Любит жену и детей. Но видимо, придется вывернуться. Наверняка есть свои скелеты в шкафах.

– Прижмем Дему к стеночке и выставим условия, – добавляю, сжимая кулак. – Может, его жена нам с Аней встречу организует. Пусть моя любимая мне все в глаза скажет...

– Не говорят они. Ждут, – нетерпеливо морщится Ростислав.

Ничего не рассказывает, но я точно знаю, как ему самому год назад пришлось несладко. Но Градову мстили. А кто я такой? Мелкая сошка...

– Все, что найдешь, неси мне, – предупреждает шеф на прощание.

И я его понимаю. Теперь есть кому рассмотреть жизнь потенциального партнера под микроскопом. Найти тщательно спрятанные гнусные пристрастия и тайны. Наркотики, игроманию и даже мелкие подянки. Через несколько дней Градов будет знать все. На это и рассчитывает, помогая мне. Человек такого уровня не может себе позволить сотрудничать с кем попало. Придется постараться и найти наживку, на которую клюнет Дема. А там главное – не дать сорваться с крючка.

«А если ничего не смогу накопать?» – думаю с ужасом. Сердце сжимается от страха.

Здрав воротник куртки, зябко ежусь на ледяном ветру. Вжимаю голову в плечи. И сам бреду не пойми куда. Через узкую чугунную калитку выхожу на берег Финского залива.

Отмахиваюсь от охранника, решившего пойти следом.

Раздраженно пинаю слипшийся на холоде песок, застывший вдоль берега невысокими дюнами. И пройдя по длинному пустынному пляжу к самой воде, напряженно вглядываюсь в свинцовое небо.

Аня, девочка моя... Ты же говорила, что любишь! Так почему же уехала? Что тебя заставило?

Ну поссорились... Мы же все время что-то выясняли. От затаенной обиды душу наполняет горечь. Давит тяжелым грузом.

Сунув руки в карманы, сжимаю их в кулаки. Где и когда я так накосячил? Не понимаю. Стараюсь припомнить, но не получается. Вроде ничего серьезного. Обычная ссора.

И если честно, мне нравилось ссориться с Аней, а потом мириться. Жарко целовать друг друга, словно ставя последнюю точку в споре. Кто кого?

В такие минуты ярость сменялась дикой страстью, когда каждый норовил стянуть с другого одежду и оседлать. Обычно я сдавался, разрешая Анечке усестись сверху. А потом, за минуту до пика, опрокинуть ее на спину и перехватить инициативу. Ухватить за бедра и толкаться, толкаться внутрь, пока не накроет эйфория.

Яйца тут же становятся железными, стоит только вспомнить. Челюсти смыкаются намертво, а в висках пульсирует боль. А ширинку давит восставший член.

«Хорошо хоть никого нет поблизости!», – выдыхаю, оглядываясь по сторонам.

Замечаю худого грязного лабрадора, трусящего по пляжу подальше от воды. Умный пес, боится намочить лапы.

«Стоп!» – мысленно бью себя по башке.

В парке возле Аниного дома гуляют собачники. Одну дамочку с лабрадором я там заприметил. Нужно узнать, кто она такая, и навести справки об Ане. Может, они знакомы?

Я видел, как хозяйка лабрадора беседовала с какими-то мамочками. А это идея. Сейчас все средства хороши. Плюс Демьяновского раскрутим... Выход есть из тупика. Только бы он не оказался замкнутым кругом.

Выдыхаю потихоньку. Внутренний жар ярости и страсти улетучивается с сильным порывом ветра. А в голове все укладывается по полочкам. На самом деле все просто.

Вернувшись обратно в дом, быстрым шагом направляюсь в свой кабинет.

– У нас много работы, – предупреждаю помощника на ходу.

– Так обед сейчас, – подскакивает он следом. – Вы пойдете в столовую, или сюда принести?

– Сюда, – киваю, скидывая крутку. Зябко тру руки. И подхватив со стола чашку, иду к кулеру. Горячая вода, пакетик с чаем, ломтик лимона. Маленький глоток, согревающий до нутра.

Усевшись в кресло, обнимаю ладонями горячую чашку. И чувствую, как тепло разливается в крови. Еще один глоток. Другой. Третий. Сумрачно оглядываю рабочий стол, заваленный бумагами. Дел выше головы. Но меня дома никто не ждет. Можно и до глубокой ночи работать или заночевать в офисе.

Я как тот лабрадор на пляже. Потерял хозяйку и смысл жизни.

– А что у нас на обед? – спрашиваю помощника, загля-

нувшего в кабинет.

– Рассольник, отбивные, курица, гарниры на выбор, – браво рапортует Жора. Высокий худой парень, бывший следок. – Что будете?

– Рассольник. Только сразу в банку пусть нальют. Курицу, отбивную, – перечисляю все блюда в нашей столовке.

– Так точно, – кивает помощник.

Хлопает дверь. И я остаюсь в офисе один. И пытаюсь хоть на время сосредоточиться на своей беде. Почему все-таки Аня ушла? Может, не наша ссора послужила причиной? Вот только как теперь узнать, два года прошло? И почему я не подумал об этом раньше?

– Тима, – звоню старому другу. – А можно пробить, с кем разговаривала Аня незадолго до отъезда?

– А ты не узнавал? – удивленно тянет Морозов.

– Вот такой я идиот, – признаюсь как на духу.

– Сильно тебя приложило, – вздыхает Тимофей и неожиданно добавляет резко: – Слушай, мы все время думали, что это комбинатские перепутали и жажнули тебя вместо меня. А что если исполнитель был местный, а заказчиком выступил кто-то другой?

– Да как мы теперь это узнаем? – бросаю отрывисто. Раздражение захлестывает через край. Два года прошло. Долбаных два года! И что теперь можно найти, если по горячим следам не выявили?

Но одно я знаю точно. Вернись я тогда с пожара живой и

невердимый, точно бы погнал за Аней. Не позволил бы ей уехать.

– Тогда узнай сразу, с кем контактировал исполнитель, – подхватив трубку, прошу я Морозова.

– Уже озадачил полицейских. В рамках твоего уголовного дела, – лениво заявляет тот. – Жди. Скоро будет.

«Да жду я!» – отмахиваюсь мысленно. Злюсь на себя за безалаберность и наивность. Как я сам не догадался? Охватившая досада тяжелой гирей бьет по башке. Как же так? Почему я сразу не связал два происшествия в одно целое? И как дурак маялся два года. А теперь что? Хоть головой об стену бейся!

В приемной хлопает дверь. С обедом вернулся помощник. Он точно не поймет, если я сейчас башкой приложусь о венецианскую штукатурку.

– Обед доставлен, – рапортует, входя в кабинет, Жора. Не торопясь, ставит передо мной белый столовский поднос, где рядком установлены тарелки и пластмассовый судок с рас-сольником.

– В холодильник поставь, – киваю на курицу.

А сам, быстро зажевав отбивную, подрываюсь с места. На ходу натягиваю куртку. И подхватив судок, направляюсь к выходу.

«Если сейчас быстро найду пса, – загадываю впопыхах, – то и с Аней мы встретимся в ближайшее время!»

И всю дорогу до пляжа ругаю себя за глупые параллели.

ли. Пес мог убежать в Комарово, найти новых хозяев. А я все поставил, как последний дурак! Сжав в руке банку, наблюдаю, как плещется под крышкой рассольник, оставляя на прозрачном пластике рыжие жирные разводы.

«Где теперь мне этого пса искать?» – вздыхаю устало. Но сейчас я готов идти за ним по следам. Накормить горячим супом и забрать с собой.

Решение приютить бездомную животину приходит совершенно внезапно. Но мне оно кажется абсолютно правильным. По-другому и быть не может.

Только бы найти!

Сердце колотится как сумасшедшее, когда перехожу на бег. Да я готов от Сестрорецка вломить до Комарова, лишь бы догнать ту самую бездомную собаку. Выскочив за калитку, оглядываюсь по сторонам.

Куда бежать, твою мать?

И тут же замечаю белый кудлатый хвост, выглядывающий из-за дерева.

– Вот ты где, – выдыхаю с облегчением. Улыбаясь, подхожу поближе. – А я тебе поесть принес. Как насчет рассольника?

Пес смотрит на меня недоверчиво и, отскочив в сторону, отбегает прочь. Выглядывает из-за голого кустарника.

– Его люди били, теперь он всех боится, – поясняет охранник, материализовавшийся сзади. – Мы с ребятами его зовем Анон. Пытаемся подкормить. Но он очень пугливый.

– Анон? – удивляюсь я, открывая судок. Ставлю около дерева и отхожу в сторону. Собака, почуяв запах еды, жадно ведет носом. Делает неуверенный шаг к рассольнику. Стою, не двигаясь с места. Пес подходит все ближе. Лакает суп, а затем вылизывает банку дочиста. И быстро трусит к пляжу.

– Завтра на том же месте и в тот же час, – бурчу себе под нос. Собаки меня обычно любят и охотно идут на контакт. А тут... Ерунда какая-то.

«Зато Аня найдется быстро, – замечаю, глядя на разлапистые еловые ветви и проглядывающее сквозь них солнышко. И тут же самому себе мысленно отвешиваю пендель. – Мало найти, надо еще и приручить!»

Глава 6

Досье на Романа Андреевича Демьяновского я перечитываю вдоль и поперек по нескольку раз. Бывший решала и бабник. Остепенился после женитьбы. Обожает жену с редким именем Камилла и двух отпрысков. Собирает шахматы, сам играет неплохо. Но за это не зацепишься. Нужно что-то такое, чтобы у Демы задергался глаз. Но ничего так и не удастся найти.

«Разве только налоговые прегрешения», – думаю я, открывая портал единого государственного реестра. И тут же улыбаюсь довольно, как мальчишка.

Господин Демьяновский открыл, а потом обанкротил около двадцати фирм. Ненадежный партнер. Ох, ненадежный. Отправляю Градову выписку со своими комментариями. – Отлично, можем организовывать встречу, – тут же откликается он. – Экономисты проверили расчеты. Там все верно.

Поговорив с шефом, выхожу на улицу. Уже срывается первый снежок и пора надевать шапку, но я по привычке лишь поднимаю воротник. И снова бреду на пляж, ожидая встречи со старым знакомым.

От пронизывающего ветра стынет нутро, а душу рвет от безысходности и тоски. Где ты, Аня? Как к тебе подступиться? Остается только поселиться где-то поблизости и наблю-

дать. А еще постараться не свихнуться от ревности. Муж рядом. Совершенно посторонний мужик! Обнимает ее, гладит...

Что там она про него говорила... Вот только я не слушал. Ушла и ладно. Жениться-то все равно мы не собирались. Вот только почему вернулась к нему? Спят ли они вместе? Или в разных комнатах. Об этом я стараюсь не думать, иначе с катушек слечу. Ярость клокочет в груди, подминая под себя голос разума. И мой ребенок будет его, левого мужика, звать папой. И Аня будет к нему ложиться в постель. А я так... погулять вышел.

Выйдя за калитку, тихонько присвистываю, подзывая собаку. Достая из кармана заранее припасенный кусок вчерашней отбивной. Аккуратно вытряхиваю из пакета на мокрую хвою.

– Ешь и пойдем к заливу, – роняю порывисто. Наблюдаю, как жадно ест пес. Наверное, и я такой же. Голодный и никому не нужный.

Пес быстро расправляется с мясом и бежит по дорожке к пляжу. Оглядывается то и дело, словно контролирует, иду я сзади или нет.

Выдыхаю, оглядывая кудлатую шерсть. Собаку, конечно, нужно искупать и провести дезобработку. Прикидываю, как это лучше сделать, и сам усмехаюсь собственным глупым хитростям. Я готов думать о чем угодно, только не представлять Аню в объятиях мужа.

Об этом слизняке я давно навел справки. Артур Аркелиди – мутный нотариус. Вот только за руку его никто не поймал. Очень дружен с тестем и входит в состав его бывшей группировки. Пацанчики давно отошли от дел, стали бизнесменами средней руки, но связи друг с другом не потеряли.

«Как же тебя угораздило, Аня! – в который раз мысленно обращаюсь к любимой. – Почему связалась с криминалом?»

«Да она сама оттуда родом! Это ее естественная среда! – вопит внутренний голос. – Отцепись от нее, пока цел. Думаешь, папа с мужем разрешат тебе приблизиться к их любимой принцессе? Пристрелят из-за угла».

«Плавали, знаем», – ощерившись, сжимаю челюсти. Сейчас бы вдарить кому-нибудь, выпустить из груди ярость. Вздохнуть свободно.

Так. Стопэ! Мимолетная мысль бьет по башке молнией.

Останавливаюсь, выйдя к дюнам. Пес, отбежав чуть в сторону, смотрит на меня внимательно. Словно говорит – ты же сам позвал меня к большой воде!

– Жора, – звоню помощнику. – Мне нужно отследить все связи Аркелиди. Куда ездит, с кем встречается, где ночует?

Чуйка мне подсказывает, что жену он от себя далеко не отпускает. Поэтому попробуем поискать от обратного. Где Артур, там и Аня...

Только от одной этой мысли в душе поднимается дикий протест, замешанный на ярости. Кулаки сжимаются сами собой, а плечи разворачиваются. Словно сейчас предстоит хо-

рошая драка. Адреналин разгоняет кровь, а в глазах темнеет от ревности. Моя девочка с чужим мужиком. Он не имеет на нее никаких прав.

Об ноги трется худой собачий бок. Даже ребра можно пересчитать при касании. Это немного приводит в чувство. Заставляет отвлечься.

– Ну что, морда лохматая? – сажусь перед псом на корточках. – Пойдешь ко мне жить?

Вопрос, как должный, вырывается на автомате. Пес, соглашаясь, ложится у моих ног, кладет голову на ботинок.

– Шеф, – звоню Градову. – Ты не будешь против, если я у себя собаку поселю?

– Это тот пес, которому ты жратву носишь? – уточняет смеясь Градов. Вот ничего от него не укроется! – Да пусть живет. Только помыть его надо. А то мой сын первым к нему ломанется.

– Само собой, – улыбаюсь я во все тридцать два зуба. – Искупаем, блох выведем...

– Кстати, Демьяновский звонил, – перебивает меня Ростислав. – Просит о встрече. Он будет в Питере ближайшие дни. Говорит, за какой-то фигуркой приедет...

– Да, он собирает шахматы, – киваю я, оглаживая собачью башку. – Будем встречаться?

– Ага, – сходу соглашается шеф и добавляет серьезно: – А твой вопрос решим по ходу пьесы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.